

Поэтологические студии

Григорий Беневич

Поэт-поводырь

(О ПОЭЗИИ СЕРГЕЯ СТРАТАНОВСКОГО)

DOI: 10.53953/08696365_2022_174_2_292

Настоящая статья написана главным образом на материале вышедшего в 2021 году сборника избранных стихов Сергея Стратановского 1968—2018 годов «Человек асфальта»¹, в котором (его названии, композиции и составе), как я постараюсь показать, поэт сам очертил основную траекторию своего творчества (за пятьдесят лет!)² и дал некоторые существенные ключи к своей поэтике. Разговор об этом сборнике, таким образом, будет не только и не столько разговором о нем, сколько обсуждением поэзии Стратановского в целом. Но начнем с названия.

В стихотворении «Городская прогулка» (1972) Виктор Кривулин вступает в беседу с Евгением Боратынским, совершая прогулку невдалеке от «свеженаваленного асфальта», который «горяч, как чернозем». Смысл этой воображаемой беседы — в постановке вопроса о возможности идти тем же путем (Кривулин изображает его как «путь зерна» или путь христианской парадигмы — смерти и воскресения), что и Боратынский, но в совершенно иных условиях. Кончается стихотворение таким размышлением:

Кто был зерном, кто семенем — тому
да хрящ иной и вправду плодоносен,
и жизнь его продлят стволы прямые сосен,
и, брошенное некогда во тьму
взойдет из тьмы, и с легкостью отбросим
постель из слякоти — последнюю тюрьму.

1 Стратановский С. Человек асфальта: Избранные стихи 1968—2018 годов. М.; СПб.: Пальмира, 2021 (Серия «Часть речи»). Все ссылки на стихи Стратановского, если не указано другого, даются по этому изданию в круглых скобках в тексте статьи.

2 При этом что книга выпущена в 2021 году, 2018 год в название, очевидно, попал не случайно.

Да, Боратынский, ты живешь. Твоя стезя,
иная слову, иглами шевелит.
Но мне-то лечь в асфальт, что над землею стелят!
Не в землю, но туда, где умереть нельзя,
чтобы воскреснуть. Шел ремонт. Расплавленной смолою
тянуло отовсюду...³

Через четверть века, на излете 1990-х, в совершенно иных, но преемственных по части «асфальта» (его суть еще предстоит понять) условиях Сергей Стратановский написал стихотворение, одна мифологема которого и дала название выпущенному им в 2021 году сборнику избранных стихов:

Ты — человек асфальта —
    порожденье субстанции уличной,
Мерзкой тьмы подботиночной,
    а не земли первовещной,
Древоносицы вечной
    и в асфальт закатают, наверно,
Твою душу увечную.

1998 (С. 100)

Преемственность с Кривулиным (надо ли упоминать, что они со Стратановским были друзьями и соратниками) очевидна, тем более интересно заметить различия. Строчки Кривулина, как и многие его стихи того времени, исполнены каким-то элегическим духом, с его тончайшим сочетанием печалования и надежды (да, тянет отовсюду смолой, но все же идет ремонт...). У Стратановского элегичности нет и в помине — есть самоотчет человека, который создан не из земли, но из мерзкой, попираемой ботинками тьмы, то есть, строго говоря, даже библейским Адамом называться не может, и чья душа «увечная» (полунтоним к «вечной»), наверное, будет закатана обратно в асфальт. Не знаю, когда появилась идиома «закатать в асфальт», но в бандитские девяностые она (со смыслом жестоко уничтожить, так что и следа не останется) получила самое широкое распространение.

Далее можно заметить, что лирический герой Кривулина — поэт; да, это поэт, живущий совсем в иных (асфальто-смоляных) условиях, нежели Боратынский, но все же определенно поэт, и не случайно он прогуливается и беседует с другим поэтом. Лирический герой Стратановского — не только в приведенном выше стихотворении, но и почти во всех стихах последнего сборника — отнюдь не поэт. В этом замечательная особенность поэзии Стратановского, отличавшая его с самого начала (с появления первых признанных им самим стихов, то есть с 1968 года) от большинства ближайших и наиболее ярких соратников по поэтическому цеху (Виктора Кривулина, Елены Шварц, Олега Охупкина, Александра Миронова, не говоря о позиционировавшем себя как поэта *par excellence* Викторе Ширали). И дело тут не только и не столько в личной скромности (чтобы не сказать — смиренности) Стратановского, сколько в осознанно занятой им позиции дистанцирования от богемности как образа существования и в бытовом (см. хотя бы его стихотворение «Мастерская поэта» —

---

3 Кривулин В. Воскресные облака. СПб.: Пальмира, 2017. С. 10—11.

явно не о своей «мастерской»), и, что намного важнее, в творческом и экзистенциальном смысле.

В «человеке асфальта», душе которого грозит быть в него, этот асфальт, закатанным, может (в отличие от лирического героя-поэта у других поэтов) узнать себя каждый. Не каждый, впрочем, с такою остротою, как Стратановский, осознает эту опасность, встретит ее лицом к лицу и противостоянет ей. Кто, собственно, хочет закатать нашу душу в асфальт, не сгущает ли поэт и мы вместе с ним краски? Ничуть, если иметь в виду, что «закатывание души в асфальт» — это не физическое уничтожение бессмертной души (об этом поэт не рассуждает), а духовная смерть, духовная аннигиляция, угрозу которой Стратановский и как человек, и как поэт (здесь уже можно сказать и о поэте) ощущает, может быть, острее, чем кто-либо другой из современных стихотворцев.

Эта тема угрозы духовного уничтожения появляется у Стратановского буквально с первого, открывающего настоящий сборник (как и выпущенный в 2019 году «Изборник»⁴), стихотворения 1968—1972 годов, давно ставшего визитной карточкой поэта:

Тыква

Тысячеустая, пустая
 Тыква катится, глотая
 Людские толпы день за днём.
 И в ничтожестве своём
 Тебя, о, тыква, я пою,
 Но съешь ты голову мою.

(С. 5)

Стихотворение это удивительно и многосмысленно, чего стоит хотя бы эта антиномия — поэт поет «Тыкву» и вместе с тем острейшим образом ощущает исходящую от нее угрозу для своей головы — быть съеденной вместе с другими. Угроза закатывания души в асфальт, похоже, какого-то такого же рода, только еще более страшная и беспощадная. Что касается Тыквы, то можно предположить, что она потому и достойна быть воспетой, что исходящая от нее для «головы» угроза быть съеденной вместе с другими имеет не только жуткий, но и какой-то позитивный смысл. В самом деле, принадлежащий толпе в лучшем случае — один из толпы. Это не настоящее, личное бытие, а только видимость его. Напротив, осознание угрозы быть поглощенным в качестве одного из толпы, угрозы, исходящей от Тыквы, позволяет поэту обрести себя и вместе с тем и свой голос.

Не претендуя на однозначность толкования поэтического символа (он всегда богаче любого понимания), я бы рискнул высказать мнение о том, что Тыква в стихотворении Стратановского (какого бы она ни была происхождения в плане «источников» в мировой культуре⁵) прекрасно прочитывается как символ хайдеггеровского *Das Man* — объемлющего собой всю область несобственного существования с его тысячеустой «молвой», «толками» и т.п. При этом Хайдеггер не демонизирует *Das Man*, характерное для повседневного существ-

4 Стратановский С. Изборник: Стихи 1968—2016. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2019.

5 Некоторые возможные культурные параллели перечислены в статье Андрея Арьева «О Боге и боли. Поэзия Сергея Стратановского» (Урал. 2017. № 1 (<http://uraljournal.ru/work-2017-1-1719>)).

ования людей, но вместе с тем подчеркивает несобственность Dasein в модусе Das Man. Именно обращенность к этой проблематике, предельно серьезное отношение к ней позволяет ставить вопрос о собственном существовании с его аутентичной, отличной от «молвы» и «толков» речью.

[Характерно, что в плане поэтики, как это заметил уже Кирилл Бутырин, многие, особенно более ранние, стихи Стратановского, из тех, что на злободневные темы, — «это отклик на отклик, на отражение факта в массовом сознании, в безличном Man, говоря проще — на толки и пересуды о факте»⁶. Иными словами, Стратановский и Тыкву (Das Man) во многих стихах заставляет работать на себя.]

Как бы то ни было, уже с первого своего стихотворения Стратановский работает с экзистенциальной угрозой духовного уничтожения, черпая в осознании и переживании этой угрозы силы для пробуждения к собственному бытию и творчеству. Если же вернуться к стихотворению «Ты — человек асфальта», то можно заметить, что в обсуждаемом нами сборнике (точно так же и в «Изборнике») вслед за ним идет другое написанное в том же году стихотворение, во многом антиномичное предыдущему:

В теле душевном моем,
Теле замызганном
          светится точка одна
Микромир какой-то.

Может быть, это звезда,
          но иного, невнешнего неба.
Или это тот самый, о ком
Говорить мы привыкли
          своим языком раболопным
Как о Господе нашем
          и о Судье дел наших...

1998 (с. 101)

Знаменательно соседство этих двух, таких как будто разнонаправленных, текстов. Казалось бы, «человек асфальта» обречен быть закатанным в него, но нет: тут же, в следующем тексте, не кто иной, думаю, как он же (ведь «Человек асфальта» — название сборника, и можно предположить, что Стратановский так определил своего лирического героя в целом, а значит, и героя каждого стихотворения), обнаруживает в себе то, что сам осторожно соотносит с трансцендентным началом, но не чуждым и внешним по отношению к своему собственному бытию (чуждым мыслится Господь и Судья в «раболопном» религиозном дискурсе), но присущим внутреннему человеку. Присущим, заметим, не как-то «догматически» (то есть по определению человеческой природы), а открывающимся, словно точка света во тьме. Смирившись до «асфальта» (как смирялись некогда «до земли»), признав в нем свое происхождение в предыдущем стихотворении, в следующем тексте того же года поэт открывает в себе залог того, что не может быть «закатано в асфальт».

---

6 Бутырин К. Поэзия Сергея Стратановского // Памяти Кирилла Бутырина. Статьи, рецензии, интервью, воспоминания. 2-е изд., испр. и доп. / Сост. В. Бутырина, С. Стратановский; под ред. А. Арьева, С. Стратановского. СПб.: Юлукка, 2019. С. 86—87.

Приведенных примеров, думаю, достаточно, чтобы понять, что стихи Стратановского следует воспринимать не порознь, как какие-то отдельные шедевры (притом что шедевры в сборнике тоже есть), но в совокупности и в диалоге друг с другом. Шедеврален и совершенно удивителен весь сборник Стратановского в целом. Еще Кирилл Бутырин, в первом, еще самиздатском, обширном исследовании, посвященном поэзии Стратановского (Обводный канал. 1981. № 1), заметил, что он пишет стихи так, что относительно них возникает вопрос: да стихи ли это? В своей поэзии он находится не внутри обеспеченного предыдущими поэтами (наиболее значительными из них) понимания поэзии (что и почитается поэтической традицией), но где-то на границе, все время рискуя и в конечном счете раздвигая наши представления о поэзии. Это впечатление, хотя Стратановский давно уже стал признанным поэтом, лауреатом всевозможных престижных премий, остается от его стихов и по сей день. Одним из важнейших элементов такого риска, начиная, наверное, с 1990-х, как заметил еще Виктор Кривулин, является незащищенное прямое высказывание⁷, чистосердечность и простота которого требуют для своего адекватного восприятия от читателя хотя бы отчасти стать таким же. В этом может быть главное «силовое» воздействие (а стихи Стратановского обладают немалой силой, по-своему властны, как заметил тот же Кривулин), требующее от читателя простоты и сердечности (пробуждая к ним), не вообще и не безотносительно (чем была бы наивная душевность и искренность), но применительно к каким-то главным, последним, ну или хотя бы предпоследним, вопросам.

Обнаруженный выше основной вектор поэзии Стратановского — из «тьмы подботиночной» и угрозы духовного уничтожения к свету собственного бытия, воспринимаемому только в чистоте и простоте, — подтверждается и последним стихотворением сборника. О первом — «Тыква» и центральном — «Ты — целовек асфальта» я уже сказал, теперь пора сказать и о последнем. В целом стихи в сборнике расположены более или менее в хронологическом порядке; когда же порядок нарушается, за этим стоит какой-то особенный авторский замысел. Именно так и происходит с последним текстом, который, хотя и датируется 2013 годом, отнюдь не последним во временном охвате сборника, но замыкает его (как является он последним в разделе собственно стихотворном в «Изборнике», где, впрочем, дальше идут драматические отрывки). Вот эта вещь:

Иди туда, иди туда,
Где смог и черная вода
Под транспортным мостом,
  как ближний гром грохочущим.
Там сквер без детворы, дворы несвежие,
В одном из них пятно
  на крестоказнь похожее.
Иди мимо него
  в большой трущобный дом,
На лестницу его
  щербатую, крутую,

---

7 См. послесловие В. Кривулина «Сквозь призму боли и ужаса» в книге: *Стратановский С. Тьма дневная: Стихи девяностых годов.* М.: Новое литературное обозрение, 2000 (<http://www.vavilon.ru/texts/krivulin6.html>).

Карабкайся по ней —
 площадки, двери, ниши...
 Пусть с передышками,
 но выше, выше, выше...
 И, наконец, чердак,
 но есть еще за ним
 Ступени белые,
 ведущие на небо,
 Навстречу ангелам...

Собственно, в этом, опять же требующем для своего адекватного восприятия простоты и чистосердечия, стихотворении и указан основной вектор, духовная направленность поэзии Стратановского, как и то, ради чего ее стоит читать. Ею обозначен путь из тьмы, с ее нависшей над «человеком асфальта» угрозой духовного уничтожения, через дворы, пустоши с их запустеньем, грязью и следами как будто бы крестных мук, и дальше в каком-то заброшенном доме, по лестнице-лестнице к небу, свету и ангельскому бытию. Таков же путь поэта, как он сам его обозначил в этом сборнике — своим первым, центральным и последним стихотворением.

Поэт и сам идет этим путем (а сборник охватывает, пусть и пунктирно, без таких подробностей и отступлений, как более полный «Изборник», весь, до сих пор пройденный, его творческий путь⁸), и тех, кто захочет идти за ним и вместе с ним, читателей его стихов, может провести тем же путем. И здесь я хотел бы обратиться к одному стихотворению сборника, которое, не скрою, стало для меня толчком к написанию этой статьи. Я уже писал выше, что Стратановский с самого начала своего творчества отказался от отождествления своего лирического героя с «поэтом». В сборнике «Человек асфальта» есть стихотворение, в котором он уравнивает по значимости с любимым творчески трудом, в том числе и писательским или трудом ученого или композитора труд совсем иного рода:

Просто поводырём
 Для слепого
 и костылём для калеки
 Быть в этой жизни
 и в достоинстве стать наравне
 С человеком творящим —
 с писателем, с изобретателем,
 С композитором звуков,
 объёмов и красочных масс
 И с учёным
 творцом и спецом
 По загадкам научным,
 а также с врачом наилучшим
 Вровень стать, наравне...
 Человеком вполне, пусть не гением
 И в ином неумелом.

2009 (С. 154)

---

8 Если учесть даты в названии, получится своего рода Пятидесятница!

Первый смысл этого стихотворения предельно ясен: труд поводыря ничем не менее почетен, чем так называемый творческий труд или труд лучшего врача. С этим нельзя не согласиться. Но верно и то, что слова эти произносит от первого лица поэт, который в стихотворении (по самому определению лирической поэзии) отождествляется с тем поводырем и костылем, от имени которых ведет речь. Так что мало сказать, что Стратановский в своей поэзии не входит в роль поэта, не избирает поэта своим лирическим героем. Следует сказать, что он (свободный для этого, в отличие от многих других стихотворцев) избирает лирическими героями других. Мы уже видели, что таким был для него «человек асфальта», а в приведенном выше стихотворении это «поводырь» и «костыль». Поводырь — это тот, кто, в отличие от слепого, видит, куда идет, а костыль — то, на что можно при ходьбе опереться. Именно в этом качестве поэт и может выступить для читателя, если только он умалится до слепого и хромого (признает себя таковым), как умалился прежде до них сам поэт, ибо, чтобы быть поводырем другим, нужно прежде всего стать поводырем своему внутреннему слепцу, провести его от тьмы к свету. Именно такой вектор, как мы убедились, и является главным в поэзии Стратановского.

Что до темы «поводыря», то она в приведенном выше стихотворении появляется у поэта не впервые. Есть еще одно замечательное стихотворение (оно не вошло в сборник 2021 года, как не вошли в него вообще все длинные стихи и поэмы), где у Стратановского встречается «поводырь». Это вошедший в «Изборник» «Диспут» 1979 года, в котором в стихотворной форме различные герои представляют различные богословские позиции по вопросу о бытии Божием и доказательствах его. Вот интересующие нас строфы из «Диспута»:

Новый богослов:

Да, Бог всегда молчит.
Он без ушей и глаз,
Он путнику в ночи
Поводыря не даст.
Голодному в ладонь
Он не насыплет крох.
В вещах погас огонь.
Нам не поможет Бог.

Просто верующий:

Но брезжит свет во тьме,
и в этом смысл вещей,
И нищему в корчме
дадут тарелку щей.
И на пути слепой
найдет поводыря.
Бог рядом. Он с тобой.
Ты сотворен не зря⁹.

---

9 Стратановский С. Изборник. С. 107.

Итак, если «новый богослов» (модернист?) отстаивает позицию совершенной оставленности мира Богом, который «поводыря не даст», то «просто верующий», или верующий просто, высказывает свою веру, что слепой поводыря найдет, и в этом поводыре, как видно из контекста, и будет Бог, который рядом, то есть наш ближний. Именно эти строчки, я думаю, создал он это или нет, отозвались в стихотворении Стратановского 2013 года «Просто поводырем...», которое, помимо своего очевидного и абсолютно убедительного гуманистического смысла, имеет, как я старался выше показать, и тот, что относится к поэзии автора этого стихотворения, ставшего поэтом-поводырем на пути, которым идет сам, из тьмы — к ангелам.

На этом можно было бы поставить точку, если бы не была мной на время обойдена одна важная тема. Выше я писал так, словно само собой ясно, о какой тьме и каком асфальте (из которых идет к свету поэт) в стихах Стратановского идет речь. Приведенные выше стихи об этом хороши тем, что они написаны на таком языке, используют такую образность, что ни к какой исторической конкретике не привязаны. Подобная обобщенность образов Стратановского, как, например, в «Тыкве», является залогом выживания его поэзии в других исторических обстоятельствах, нежели те, в каких это было написано, и способствует пониманию его стихов в самом общем метафизическом и философском смысле. Но вместе со стихами, где поэт возвышается до такой степени обобщения, в его сборнике есть и множество других, в которых он погружен в историю с ее страшной конкретикой в самом прямом и непосредственном смысле.

Эти стихи Стратановского тоже важны и по-своему замечательны. Собственно, именно в них конкретизируется, что именно в историческом измерении и смысле стоит за более обобщенным «асфальтом», в который могут закатать душу, говоря этим же мифопоэтическим языком. «Асфальт» здесь, конечно, не просто символ урбанистической цивилизации, противопоставленный земле, лесу и природе. Лес, точно так же, как город, вся земля, все Отечество, которое оплакивает, которому страдает и которое «не умеет судить»¹⁰ поэт, «полнится смертью», как он говорит, например, в этом стихотворении 2013 года:

Бернгардовка

Несколько лет
Мы с женой отдыхали на даче
В Бернгардовке, неподалеку от леса,
Мусорного на опушке,
но в глубине всё же чистого.

А за ним было кладбище и шоссе
Вдаль уходящее,
вдоль перелесков и стрельбища.

Вспомнил я, что когда-то,
безусым студентом будучи,
Был я там.
Нас возили туда

10 Ср. строчки: «Я тебя не умею судить, / Отечество» (с. 56).

На учебные стрельбы.

А потом вдруг случайно
Я узнал, что на том полигоне учебном
Были расстрелы,
что там в двадцать первом году
Гумилев был расстрелян.

Так вот повсюду земля
Полнится смертью и не уйти никуда.
В перелесках не спрятаться,
и за дачной оградой не спрятаться.

2013 (С. 163)

Стратановский — один из немногих, после смерти Кривулина чуть ли не единственный большой поэт, не только хранящий память о страшном прошлом, но и во многих стихах проводящий прямые и косвенные связи между русской катастрофой XX века, периода Гражданской войны, сталинщины и советского периода в целом, с тем перманентным духовным, идейным и политическим кризисом (мягко говоря), в котором Россия находилась в девяностые, нулевые годы и находится сейчас. В этом смысле его стихи представляют собой яркий и едва ли не уникальный пример того, что можно было бы назвать поэзией после ГУЛАГа. С тем важным уточнением, что для Стратановского никакого «после», собственно, и нет. «ГУЛАГ» в других измерениях и других формах (в том числе в попытках забыть о нем и запретить его память), присутствует и дает себя знать во всей советской и постсоветской истории, и стихи Стратановского — ясное и недвусмысленное свидетельство и память об этом. На эту миссию поэзии Стратановского, как он сам признает, повлиял его друг, один из основателей «Мемориала»* Арсений Рогинский, которому посвящено пронзительное стихотворение сборника — «Строки историку» (1977¹¹) (с. 29).

Именно в этом контексте следует понимать, я полагаю, и образ происхождения из асфальта («мерзкой подботиночной тьмы») и «закатывания в асфальт», каким бы обобщенно метафизическим он ни был. Мы все происходим из этого страшного прошлого, полного ненависти, попрания человека государством и человека человеком, насилия и смертоубийства, и нам грозит быть и остаться его, этого прошлого, детьми, вернуться туда, откуда мы произошли, совершить то движение по кругу, которое описано в одном из стихотворений сборника:

Лагерная дорога
Кольцевая, и ходит по ней
Трёхвагонный состав
с паровозом усталым и старым,
С машинистом — тоже из заключённых.

---

11 Написанное в год первого обыска на квартире Рогинского, это стихотворение, его последние строчки, стало в определенном смысле пророческим. Вот эти строчки: «Шарить в стране беспамягства — / вот ремесло историка. / Дело разведчика Божьего, / праведный шпионаж», — которые по-особому прочитываются в контексте обьявления «Мемориала»* иноагентом.

Так что если и спрячешься
За мешками какими-то,
                                в тёмном углу вагонном
И поедешь,
                                то круг отмотав, вновь окажешься
В том же самом лагпункте...

2009

Этот круг — вернуться туда, откуда приходишь, в тот же лагерь, тот же духовный ГУЛАГ (не только в историческом, но и в нравственном и метафизическом смысле) — и пытается разорвать Стратановский. Именно из этого круга он, поэт-поводырь, поэт-костыль, выводит своего «человека асфальта», подставляя и нам, читателям, таким же людям асфальта, свою руку, чтобы опереться, и свое зрение, свои глаза, чтобы выйти из этой подботиночной тьмы — к небу и ангелам.

- * Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» признано в Российской Федерации некоммерческой организацией, выполняющей функции иностранного агента. — *Примеч. ред.*